

РЕЛИГИОЗНОСТЬ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX-XXI СТОЛЕТИЙ

Автор: К. КААРИАЙНЕН, Д. Е. ФУРМАН

Особенности дореволюционного и советского религиозного сознания

Эволюцию отношения к православной вере в России в течение Нового времени можно представить в виде своего рода движения маятника, точнее - синусоидальной кривой, которую он оставляет на плоскости. Начальная точка такого движения - тотальная средневековая религиозность, постепенно "размываемая" процессами модернизации общества, прежде всего развитием современной науки и техники, рыночных отношений, демократизацией социальных отношений, которые везде и всегда влекут за собой сдвиги в духовной сфере. Средневековая жестко догматическая, принудительная, связанная с архаическими представлениями религиозность уступает место новым формам духовности, а специфика данного общества определяет, каким образом совершаются такие трансформации.

В России воздействие модернизационных процессов на религиозную сферу приняло формы, отличные от тех, которые присущи большинству европейских стран. Традиционализм православной церкви, ее полная с петровских времен зависимость от самодержавного государства, крайняя жесткость и формализм духовного контроля, поддерживавшегося светскими властями, подталкивали русское общество не к поискам новых, более свободных форм религиозной жизни, а к нерелигиозным и антирелигиозным идеям, прямо противоположным официальной идеологии "православия, самодержавия и народности".

Церковь и власти отслеживали и в корне пресекали любую религиозную ересь; вплоть до крушения самодержавия в России переход из православия в другие конфессии был уголовно наказуемым преступлением; во всех школах преподавались основы православного вероучения; издание книг, критикующих церковь и полемизирующих с официальным православием, было невозможно, и т.п. Но, пресекая вольномыслие, власти ничего не могли поделать с полной утратой религиозной веры, когда соблюдение обязательной обрядности превращается в простую, ничего не значащую для человека формальность. Аналогичная ситуация сложилась с распространением книг, не полемизирующих с православием, но содержащих нехристианские и альтернативные христианству идеи. В этой связи характерно, что перевод Библии на русский язык, в котором церковь

Каариайнен Киммо - профессор Хельсинкского университета, директор Института лютеранской церкви Финляндии.

Фурман Дмитрий Ефимович - доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН.

видела потенциальный источник ересей, был издан позже, чем произведения французских просветителей - деистов и атеистов, а К. Маркс легально публиковался в стране, тогда как неортодоксальные работы русских религиозных мыслителей печатались за границей.

В Российской империи полностью отрицать официальную религию было проще и даже безопаснее, чем пытаться реформировать и "оживлять" ее. Уже в XVIII в. распространяются разные формы масонского и вольтеррианского свободомыслия. В XIX в. появляются первые убежденные атеисты - Д. Писарев, Н. Чернышевский, Н. Добролюбов, М. Бакунин и др. В кругах интеллигенции начинают доминировать разного рода материалистические и позитивистские взгляды, не столько борющиеся с официальным православием, сколько его игнорирующие. А на рубеже позапрошлого и прошлого столетий в России распространяются мощные целостные антирелигиозные и одновременно квазирелигиозные философские системы, выдвигающие свои планы достижения идеального общества, прежде всего различные варианты марксизма.

До поры до времени, однако, церковь и самодержавие могли утешать себя тем, что "нигилизм" и безбожие - явление специфически интеллигентское, а простой народ все равно глубоко православен и предан царю. "Момент истины" наступил с революциями 1905 и 1917 гг., показавшими, до какой степени российский православный "монолит" был подточен изнутри. Негибкость самодержавно-православной системы породила крайний радикализм русской революции, приведшей не к либерализации и демократизации общества, а к установлению тоталитарного режима на основе атеистической, квазинаучной и квазирелигиозной марксистско-ленинской идеологии.

Победившая партия большевиков приступила к установлению тотального контроля над духовной жизнью общества и преобразованию его в соответствии со своими идеалами. Однако борьба с православием в стратегии большевиков, убежденных, что религия - надстройка, обреченная исчезнуть с революционным изменением базиса общества, занимала далеко не первостепенное место. Тем не менее в ходе революции, а затем коллективизации - "революции в деревне", десятки тысяч церквей были разрушены (с тех пор и до 1990-х гг. разрушенный храм становится немым атрибутом российского деревенского пейзажа), духовенство - репрессировано. Началась массовая атеистическая пропаганда, призванная освободить сознание людей от "религиозного дурмана". В 1930-е гг. могло казаться, что дело идет к тому, что скоро в СССР вообще не останется ни церковной организации, ни верующих. Но постепенно "мессианский" дух новой марксистской религии и преследование старой стали ослабевать. И. Сталин в борьбе с фашистской Германией уже опирался не столько на идеи марксизма-ленинизма, сколько на традиционные русские ценности, историческую память и национальное самосознание, включая одну из их составляющих - православие. Правда, затем Н. Хрущев возобновил атеистическое наступление на религию, но при этом его эпоха была началом либерализации советского режима, и дело обошлось без кровавых репрессий.

С ослаблением атеистического гонения стали появляться первые симптомы того, что "маятник" общественного сознания начал движение в обратном направлении - к религии. Логика обращений к православию при советской власти была близка к логике обращений к атеистическим формам идеологии при царизме: тоталитаризм и формализм идеологического контроля вновь подталкивали людей к идеям, диаметрально противоположным официальной. Подобно тому как до революции переход в инославию, критика православия и любые проявления самостоятельной религиозной мысли были для человека опаснее, нежели неуловимая никаким формальным контролем утрата веры, так и в самые страшные годы сталинских репрессий люди, не вызывавшие политических опасений, могли относительно спокойно жить, не тая своей религиозности¹. А ведь и в

---

¹ Российский соавтор текста помнит, как в детстве его верующие бабушки рассказывали ему о разных уважаемых представителях старой интеллигенции, которые, занимая видное положение при советской власти, открыто оставались верующими людьми. Особо большую роль в этих историях играл великий русский физиолог академик И. Павлов, пример которого должен был показать, что религия вполне совместима с передовой наукой.

сравнительно либеральные послесталинские времена трудно представить человека, который, находясь на свободе, открыто объявил бы себя троцкистом или меньшевиком.

Видимым признаком обратного хода маятника стало обращение в православие ряда представителей советской диссидентской интеллигенции: А. Синявского, А. Солженицына и др.² В интеллигентских кругах в 1970 - 1980-е гг. интерес и уважение к религии, чтение религиозных философов и т.п. стали так же распространены, как за сто лет до этого материалистическая философия и естественно-научные опыты. Тогда же среди интеллигентных девушек стало модным ношение крестиков, с чем комсомол боролся, но очень вяло. Конечно, открытая приверженность религии исключала карьеру, но в конце советской эпохи ряд видных представителей интеллигенции, уже занявших высокие статусные позиции, совершенно открыто заявили о своей вере (В. Солоухин, С. Аверинцев), не опасаясь никаких репрессий со стороны власти. Так под внешне недвижимым покровом официальной идеологии, утратившей какую-либо способность к развитию и превратившейся в набор давно лишенных смысла формул, происходили изменения, которые привели к практически полной утрате марксистско-ленинской доктриной авторитета и торжеству православной церкви, еще лет двадцать до этого казавшейся совершенно бессильной и умирающей.

Проследить в массовом сознании позднесоветской эпохи процессы распада коммунистической "веры" и постепенного изменения отношения к религии очень трудно. Советское общество, как и дореволюционное, было устроено так, что оно не могло иметь о себе правдивой информации. Сама идея проведения в советскую эпоху опроса об отношении людей к КПСС, В. Ленину и т.д. не менее смешна, чем идея опроса о том, как люди относились к царю и православной церкви в царское время. Ибо выяснение того, что население реально думает о краеугольных идеологических вопросах, подрывало бы основы общественного строя и догму "морально-политического единства советского общества". Что, впрочем, не исключало социологических опросов по относительно не важным с точки зрения официальной идеологии вопросам, проводимым в позднесоветское время, в том числе с целью выявить долю верующих в населении. Естественно, эти исследования показывали почти полное исчезновение православной веры. Так, в Воронежской области в 1979 - 1981 гг. процент верующих в разных возрастных когортах был таковым: 18 - 25 лет - 1,7%; 26 - 30 лет - 1,4%; 31 - 34 года - 2,7%; 41 - 50 лет - 4,8%; 51 - 60 лет - 10%; 61 - 70 лет - 22,1%; 71 - 80 лет - 35,3%; старше 80 лет - 40,2% [Демьянов, 1984, с. 88]. Результат, полностью соответствующий представлению о религии как о "пережитке прошлого", обреченном уйти вместе с принадлежащим этому прошлому поколением.

Однако наши опросы дают совершенно иную картину. Проводимые в другую эпоху - начиная с 1990-х гг.³ - они тем не менее позволяют в какой-то мере заглянуть в массовое сознание недавнего российского прошлого через оценки, которые спрашиваемые давали своим родителям и прауродителям (см. табл. 1).

---

² Роль "связующего звена" между дореволюционной религиозностью, которую сохраняли многие представители старой интеллигенции, и новой религиозностью интеллигенции советской играл Б. Пастернак, чьи неопубликованные духовные стихи очень широко распространялись в машинописных копиях.

³ Представляемые нами данные собирались в течение 14 лет, начиная с марта 1991 г., когда Институт лютеранской церкви Финляндии, Академия наук Финляндии и Российская академия наук начали совместное исследование трансформации религиозного сознания в постсоветской России. Было организовано шесть опросов: в 1991, 1993, 1996, 1999, 2002 и 2005 гг., представлявших собой модификацию аналогичных обследований в рамках "Всемирной программы изучения ценностей" ("World Values Surveys"). Они проводились методом персонального интервью по общероссийской выборке, охватывавшей от 1600 до 2000 человек. Хотя содержание опросных листов частично менялось, основная группа вопросов оставалась неизменной, что делает полученные в разное время результаты вполне сопоставимыми. Результаты исследований были частично опубликованы в [Каарияйнен, Фурман, 1997; Kaariainen, 1998; Старые... 2000; Фурман, Каарияйнен, 2003^a; Фурман, Каарияйнен, 2003^b].

Таблица 1 Оценка респондентами отношения своих родителей к вере (в %)

		1996 г.	1999 г.	2002 г.	2005 г.
Мать	Атеистка	4	3	3	4
	Верующая	48	51	53	51
Отец	Атеист	9	10	7	8
	Верующий	23	24	29	32
Дедушка	Атеист	3	3	3	4
	Верующий	43	39	44	50
Бабушка	Атеистка	1	1	2	3
	Верующая	67	63	64	71

Таблица 2 Зависимость ответов об отношении к вере родителей от возраста респондентов, 2005 г. (в %)

		Все опрошенные	18 - 23 года	24 - 29 лет	30 - 39 лет	40 - 49 лет	50 - 59 лет	60 лет и старше
Мать	Атеистка	4	3	1	7	1	5	4
	Верующая	51	58	48	57	60	60	70
Отец	Атеист	8	6	4	11	7	10	6
	Верующий	32	28	21	26	29	28	47
Дедушка	Атеист	4	3	4	6	4	2	2
	Верующий	50	45	43	42	47	48	65
Бабушка	Атеистка	3	1	1	2	2	1	2
	Верующая	71	75	70	67	70	66	76

Из таблицы 1 видно, что процент атеистов в СССР был ничтожен, а процент верующих - очень велик. Но полагать, что в данном случае респонденты говорят о теперешних взглядах своих родителей или результатах обращения этих поколений к религии в постсоветские годы, было бы неправильным. В этом можно убедиться, посмотрев, как зависит определение мировоззрения старших возрастов от возраста самих опрошенных. Дедушка и бабушка людей, которым в 2005 г. было от 40 и более лет, безусловно, уже давно умерли и, вспоминая о них, респонденты могут говорить лишь о советском времени (см. табл. 2).

Такой результат совершенно не похож на результаты советских опросов: получается, что в эпоху Октябрьской революции (время активности дедушек и бабушек респондентов, которым в 2005 г. было больше 60 лет) неверующих практически не было. Но это противоречит не просто мифу, культивируемому советской пропагандой, но и здравому смыслу.

Аналогичная картина и с комплексом ответов на мировоззренческие вопросы, в частности о религиозном воспитании респондентов: в 1991 г. 18% опрошенных заявили, что они получили таковое; в 1999 и 2002 гг. - по 17%; а в 2005 г. - 25%, причем у лиц старше 60 лет - даже 42%. Но те, кому в 2005 г. было более шестидесяти лет, родились в 1945 г. и ранее, то есть в эпоху войны и первых пятилеток. Получается, что почти половина из них воспитывалась в религиозном духе. Даже среди родившихся в эпоху перестройки таковых в два раза меньше! (см. табл. 3).

Легче всего связать вопиющее противоречие между данными советских опросов и воспоминаниями наших респондентов с сознательным искажением фактов. Но "научные" атеисты, проводившие опросы в советское время, скорее всего, не лгали (хотя могли в какой-то мере подгонять процедуры и результаты исследования под идеологически

Таблица 3 Удельный вес получивших религиозное воспитание и крещеных, 2005 г. (в %)

		18 - 23 года	24 - 29 лет	30 - 39 лет	40 - 49 лет	50 - 59 лет	60 лет и старше	Все опрошенные
Воспитывались в религиозном духе	Да	26	14	19	20	22	42	25
	Нет	61	73	73	64	64	45	65
Крещены	Да	77	77	76	82	83	86	81
	Нет	19	21	20	16	12	12	16

приемлемые для начальства ответы). Вряд ли лгут и наши теперешние респонденты. Суть же дела - в противоречивой и многослойной природе массового сознания, которую данные опросов не могут отразить во всей его сложности. Вопрос порождает ответ, заставляя отвечающего как-то задуматься о своей позиции, сформулировать ее. Ответ кристаллизирует и закрепляет его смутные мысли и чувства и одновременно всегда огрубляет, упрощает реальную сложность сознания.

Сознание же тоталитарного общества, в котором некоторые вопросы или невозможны, или предполагают стереотипные ответы, еще более противоречиво и многослойно, чем сознание открытого общества. Люди в советское время вполне могли одновременно верить (не верить) в самые противоположные вещи, в определенных ситуациях скорее верить в одно, а в других - в другое. Убежденная комсомолка, не только говорящая, но и думающая "как положено", могла тем не менее тайком зайти в церковь и поставить свечку перед экзаменом по "научному атеизму". Вполне искренний коммунист мог сказать своей матери, чтобы она "на всякий случай, для здоровья" окрестила своего внука в церкви, но так, чтобы он - отец, потом мог отговариваться от этого незнанием. Во время войны под пулями и снарядами коммунисты совершали крестное знамение и шептали молитвы. Это несколько похоже на сохранявшееся до Октябрьской революции средневековое "двоеверие", когда люди, искренне сами считавшие себя православными, могли одновременно выполнять языческие обряды. Поэтому на вопрос, сколько граждан СССР верили в истинность марксизма-ленинизма, равно как и сколько в нем оставалось православных верующих, нельзя получить точный ответ. И не только из-за отсутствия данных - люди попросту не могли иметь ясного, личного, а не стереотипного, обязательного ответа на подобные вопросы⁴.

Когда на рубеже 1970-х-1 980-х гг. верующими называли себя только крохотное меньшинство опрошенных, это не значит, что остальные лгали. Они лишь несколько упрощали и приукрашивали картину своего сознания в соответствии с советскими нормами, одновременно полагая, что, например, поставить свечку в церкви за чье-то здравие или за упокой души не значит стать верующим. Именно так в средние века человек, задабривавший домового, не считал это отступлением от православия. Но к 2005 г. социально одобряемое/неодобряемое поменялись местами. И респонденты в соответствии с новыми представлениями о "должном", "нормальном" и "приличном" начинают представлять и изображать своих родителей более религиозными, чем они были на самом деле. Назвать отца или деда атеистом теперь не совсем удобно, поэтому какие-то мельчайшие и поверхностные проявления религиозности родителей и прародителей, трактуемые в советские годы как извинительные для старых людей "пережитки", в теперешнем сознании их детей трансформируются в "религиозность" и даже в "веру". Иначе говоря, респонденты никого не обманывают, но мифологизируют прошлое, конструируя такие

⁴ Российский соавтор, вспоминая своих бабушек и дедушек и отца с матерью, не может определить, были ли они православными верующими и верили ли в коммунизм. Бабушки в Бога скорее верили, во всяком случае, на праздники были в церкви. Но сказать, что они "не верили" в коммунизм и КПСС, тоже нельзя. Родители скорее в Бога не верили и несколько больше верили в коммунизм.

его образы, которые заслуживают одобрения в соответствии с нынешними нормами и представлениями, и искренне в них верят.

Таким образом, сделав поправку на особенности советской и постсоветской ментальности, можно все же утверждать, что атеистический марксизм-ленинизм не смог стать такой же "общенародной" верой, какой в старину было православие. Не говоря уже о "религиозных пережитках" в сознании большинства (сравнимых с пережитками язычества в сознании средневековых христиан), в обществе всегда оставалось и религиозное меньшинство. И крах советского строя стал условной точкой очередного колебания нашего маятника вспять.

Начальные стадии этого движения совпали с распадом советской социально-политической системы, непосредственным поводом которого была неудача перестройки - попытки реформирования, оживления и "лечения" системы, предпринятой М. Горбачевым. Но такой оборот дел в громадной мере был обусловлен предельной "изношенностью" советского социального организма, включая его духовную составляющую. Все события той эпохи демонстрируют, что официальная идеология к началу перестройки уже не обладала никакой реальной силой. Недовольство экономической системой приняло всеобщий характер. Принадлежность к коммунистической партии практически перестала быть фактором, влияющим на мировоззрение. Однако практическое исчезновение официальной идеологии не означало, что ее сменила какая-то другая. Снятие внешнего идеологического контроля вывело на поверхность запрятанные под покровом коммунистической риторики и советской системы аморфность и противоречивость массового сознания людей.

Данные многочисленных исследований, в том числе и нашего (1991 г.), дают картину "взбудораженного", политизированного, но не структурированного социума. Достаточно сказать, что 77% респондентов в то время не могли назвать партию, которая наиболее адекватно представляла их взгляды, и только ничтожное меньшинство определило их как "левые" или "правые", "консервативные", "либеральные" или "коммунистические". Этому сопутствовало сочетание смутных надежд с такими же неопределенными опасениями и чувством собственного бессилия: несмотря на желание скорейших перемен, революционные изменения поддерживали только 15%, постепенные реформы - 43%, а 23% вообще считали, что надо прежде всего "защищать общество от подрывных элементов". Это - сознание растерянной, атомизированной массы, внезапно оказавшейся без привычного для нее внешнего контроля в ситуации, когда она должна что-то решать, выбирать, не имея никаких ясных критериев, которыми можно было бы руководствоваться. Такую массу очень легко могло повести за собой активное меньшинство, которое освободило бы ее от необходимости мучительных поисков и трудных решений, что и сделали оказавшиеся в 1991 г. у власти Б. Ельцин и его соратники. Но если в политическом плане массу россиян повели за собой демократы, то в общемировоззренческом, духовном плане она потянулась к религии. Совершавшийся в позднесоветскую эпоху скрытый от глаз и ограниченный относительно узким слоем процесс изменения отношения к религии принял массовый и "обвальный" характер.

Это - закономерно. В нестабильном, распадающемся обществе, чьи старые советские приоритеты и идентичности оказались либо утраченными, либо девальвированными, религия стала знаком "вечных ценностей" и символом русской идентичности в ситуации, когда русским вроде бы стало нечем гордиться. Самые резкие перемены в массовом сознании пришлось на рубеж 1990-х гг. Так, в 1988 г. по данным опроса американской социологической фирмы "Marttila & Kiley" верили в Бога всего 10% москвичей [Project... 1988]. Если взять этот замер за условную точку отсчета, то очевидно, что с того момента начался обвальный процесс смены мировоззренческих идентификаций. Это показал, хотя и в несколько ином аспекте, наш опрос 1991 г.: не говоря о том, что уже 28% людей определили себя как "верующие", подавляющее число респондентов увидели в церкви некое вместилище нравственного авторитета. Ей стали доверять 68% опрошенных (коммунистов - 56%) - больше, чем любому другому государственному или общественному институту; 72% (61% коммунистов) - решили, что она да-

Таблица 4 Вера в способность РПЦ дать ответы на различные вопросы (в %)

		1991 г.	1993 г.	1996 г.	1999 г.	2002 г.	2005 г.
Вопросы морали	Да	72	69	55	47	51	55
	Нет	10	15	24	27	30	27
Проблемы семейной жизни	Да	59	56	41	38	32	35
	Нет	21	27	37	34	47	44
Духовные потребности	Да	76	77	63	56	57	63
	Нет	7	10	19	20	24	20
Социальные вызовы	Да	43	29	22	18	16	16
	Нет	29	46	52	51	59	58

ет ответы на моральные вопросы; 59% (50% коммунистов) - на семейные проблемы; 76% (71%) - на духовные запросы и 43% (40%) - на социальные вызовы (см. табл. 4).

На наш взгляд, все это говорит о колоссальной потребности людей, переживавших смутную революционную эпоху, в четком духовном и моральном ориентире, а также их готовности найти таковые в религии и православной церкви. И вот дополнительное тому подтверждение. В 2005 г. существенная часть респондентов - 36% (включая 24% атеистов и 22% неверующих) - высказались за запрет публичных выступлений против религии; 17% (5% атеистов и 15% неверующих) - за то, чтобы противникам веры не позволялось преподавать в университетах; 22% (14% атеистов и 12% неверующих) - чтобы написанные такими безбожниками книги изымались из библиотек! Подобная религиозность скорее напоминает мусульманский Ближний Восток, чем толерантные общества совокупного Запада.

Проправославный консенсус и религиозная интолерантность: социальные корни

Такого рода запрос массового сознания обусловил весьма быстрое складывание в российском обществе "проправославного консенсуса", когда для подавляющего большинства населения акцентированное позитивное отношение к православию стало прочным и практически безусловным. Важно подчеркнуть, что подобное единство мнений - именно проправославное, а не абстрактно прорелигиозное. Массовое сознание россиян четко и позитивно выделяет Русскую православную церковь (РПЦ) из всех церковных деноминаций, отношение к которым варьируется от безразличного до плохого (см. табл. 5).

Из таблицы 5 также вырисовывается своеобразная и относительно устойчивая иерархия религий. Хотя ни одна из них не может сравниться с православием, у россиян есть более и менее "любимые" вероисповедания. Природа этой иерархии восходит не к религиозной близости той или иной конфессии к православному христианству. Отношение к исламу и буддизму, например, лучше, чем к баптизму, к иудаизму - лучше, чем к адвентизму. Единственным объяснением отмеченного ранжирования может быть только то, что ислам, буддизм, католицизм и иудаизм - это традиционные религии нерусских народов России. Тогда как евангелические деноминации (лютеранство, баптизм или адвентизм и др.) "вторгаются" в сферу, где им нет места, создавая возможность выбора там, где его не должно быть.

Еще одно свидетельство настороженно-негативного отношения к инославным, особенно новым (для основной массы россиян) конфессиям - недовольство теми видами их деятельности, которые в обыденном сознании ассоциировались с прозелитизмом (см. табл. 6). К 2005 г. эта тенденция стала доминирующей. Так, 55% россиян считали, что нельзя позволять нетрадиционным для страны деноминациям покупать (строить) для религиозных целей здания; 60% - проповедовать в общественных местах; 66% - рас-

Таблица 5 Отношение к разным религиям (в %)

		1996 г.	1999 г.	2002 г.	2005 г.
Православие	Очень хорошее	41	44	52	54
	Хорошее	47	49	44	41
	Плохое	3	1	1	1
	Очень плохое	1	0	0	0
Ислам	Очень хорошее	7	8	10	13
	Хорошее	40	51	51	51
	Плохое	22	16	20	19
	Очень плохое	8	5	7	6
Католицизм	Очень хорошее	4	5	5	8
	Хорошее	36	52	50	53
	Плохое	17	9	14	15
	Очень плохое	8	3	8	6
Буддизм	Очень хорошее	3	3	4	6
	Хорошее	24	34	34	36
	Плохое	21	15	17	21
	Очень плохое	11	7	13	11
Старообрядчество	Очень хорошее	3	4	4	6
	Хорошее	30	33	34	33
	Плохое	25	21	23	25
	Очень плохое	9	8	12	12
Иудаизм	Очень хорошее	2	2	3	5
	Хорошее	21	28	27	33
	Плохое	22	19	21	22
	Очень плохое	13	8	15	13
Лютеранство	Очень хорошее	2	2	2	4
	Хорошее	20	27	24	22
	Плохое	19	13	19	21
	Очень плохое	11	6	11	12
Баптизм	Очень хорошее	2	2	2	4
	Хорошее	21	22	25	21
	Плохое	32	33	30	34
	Очень плохое	13	12	19	19
Кришнаизм	Очень хорошее	2	2	1	3
	Хорошее	15	19	19	19
	Плохое	23	20	20	24
	Очень плохое	16	12	20	19
Пятидесятничество	Очень хорошее	1	1	1	2
	Хорошее	12	15	15	16
	Плохое	29	24	26	31
	Очень плохое	14	13	18	21

Адвентизм	Очень хорошее	1	1	1	2
	Хорошее	13	13	14	14
	Плохое	21	17	21	22
	Очень плохое	13	10	15	16
Иеговизм	Очень хорошее	1	2	1	2
	Хорошее	11	13	13	13
	Плохое	28	26	26	31
	Очень плохое	19	22	33	35

Таблица 6 Отношение к радио- и телепередачам разных конфессий, 1996 г. (в %)

	Положительно	Довольно положительно	Довольно отрицательно	Крайне отрицательно
РПЦ	33	45	7	4
Мусульмане	6	32	23	14
Баптисты	3	18	30	21
Другие протестанты	2	14	29	23
Свидетели Иеговы	2	12	27	27

Таблица 7 Религиозные свободы и привилегии РПЦ (в %)

		1996 г.	1999 г.	2002 г.	2005 г.
Все религии должны обладать равными правами в России	Полностью согласен	33	26	24	21
	Скорее согласен	37	37	33	32
	Скорее не согласен	18	20	22	26
	Полностью не согласен	2	3	8	9
РПЦ должна обладать определенными правами и привилегиями в России	Полностью согласен	24	21	27	30
	Скорее согласен	27	30	34	34
	Скорее не согласен	31	30	21	20
	Полностью не согласен	6	4	7	6

пространять свои издания; 62% - открывать религиозные школы; 62% - проповедовать по телевидению⁵.

Между тем, когда речь заходит о РПЦ, оценки меняются на симметрично противоположные. Наши опросы фиксируют ясную поддержку ее привилегированного статуса в ущерб религиозной свободе и равноправию (см. табл. 7).

В 2002 г. с тем, что представители РПЦ должны участвовать в управлении государством, согласились 44% (в том числе верующих - 52%, колеблющихся - 46%, неверующих - 29%, атеистов - 21%). С тем, что власти не должны принимать решения и законы, противоречащие православному вероучению, - 45% (верующих - 55%, колеблющихся - 49%, неверующих - 26% и атеистов - 19%). И наоборот, с тем, что телевидение имеет право показывать программы, запрещенные РПЦ, не согласились 39% всех опрошенных (44% верующих, 37% колеблющихся, 29% неверующих и 32% атеистов). Выросла с 11% в 1996 г. до 24% в 2005 г. и доля сторонников обязательного обучения в средней школе всех детей основам православия. Поскольку лишь 16% опрошенных считали, что церковь имеет ответы на социальные вопросы, стоящие перед страной; 26% - что она должна выступать по вопросам своевременной выплаты пенсий и жалованья; 31 % - по проблемам безработицы и столько же по борьбе с коррупцией, ясно следующее. Участие РПЦ в управлении страной мыслилось как общее религиозное и моральное освящение власти, поддержание идейного контроля над обществом и укрепление его "морально-политического единства".

Выявленный проправославный консенсус к 2005 г. приобрел поистине общенациональный характер: доля "хорошо" ("очень хорошо") относящихся к православию значи-

⁵ Это - заметно больше тех, кто считает, что надо ограничить деятельность мусульман и иудеев. Сторонников запрета на постройку церквей новых религий - 55%, мечетей - 33%, синагог - 37%. Сторонников запрета публичной проповеди проповедниками новых религий - 66%, мусульманскими - 57%, иудейским - 56%, сторонников запрета распространения печатных изданий - соответственно, 60%, 44% и 46%, открытия школ - 62%, 42% и 44%.

Таблица 8 Отношение к православию в зависимости от степени религиозности (в %)

	Все опрошенные	Верующие	Колеблющиеся	Неверующие	Атеисты
Очень хорошее	54	70	48	21	9
Хорошее	41	28	48	65	61
Плохое	1	0	1	3	8
Очень плохое	0	0	0	0	2

Таблица 9 Доверие россиян к различным институтам (в %)

	Полностью и скорее доверяют					Скорее не доверяют и совершенно не доверяют				
	1991 г.	1993 г.	1999 г.	2002 г.	2005 г.	1991 г.	1993 г.	1999 г.	2002 г.	2005 г.
Государственной думе	-	-	15	30	32	-	-	77	63	62
Правительству РСФСР/РФ	63	38	24	46	42	29	52	67	46	52
Милиции	34	34	27	27	33	63	64	65	69	64
Правовой системе	37	36	34	32	43	60	60	55	62	52
Армии	66	68	52	57	58	29	26	37	36	37
Профсоюзам	45	36	32	-	-	51	55	54	-	-
РПЦ	68	60	68	67	71	20	33	18	23	21
Прессе	42	38	38	32	33	54	58	54	63	62
Телевидению	53	50	49	42	46	43	46	45	54	51
Политическим партиям	-	-	8	12	16	-	-	72	74	75
Президенту РФ	-	-	-	78	76	-	-	-	17	20

Таблица 10 Доверие к РПЦ в зависимости от религиозности респондентов, 2005 г. (в %)

	Все опрошенные	Верующие	Колеблющиеся	Неверующие	Атеисты
Полностью доверяю	26	41	14	7	1
Скорее доверяю	45	47	56	23	20
Скорее не доверяю	14	7	19	30	31
Полностью не доверяю	7	2	4	19	34

тельно больше удельного веса верующих, поскольку к ним добавились те, кто идентифицирует себя как "колеблющиеся", "неверующие" и даже "атеисты" (см. табл. 8). Как говорилось выше, в 1991 г. РПЦ стала пользоваться большим доверием, чем любые другие социально-политические институты. Подобная тенденция в полном объеме сохранилась и к 2005 г. с той лишь разницей, что ныне первое место по доверию занимает все же не церковь, а персонально президент В. Путин (см. табл. 9). При этом следует вновь отметить, что доверяют РПЦ, опять-таки, не только православные верующие, но и в различной степени представители других групп россиян (см. табл. 10).

Хотя в настоящее время уже нельзя говорить об эйфорическом отношении к способности православной церкви решить жизненные коллизии и проблемы, характерном для 1991 г., это не повлияло на представления о крайней ее востребованности. Так, при выборе различных черт РПЦ, предложенных респондентам в виде бинарных оппозиций, определение "необходимая" с 1996 г. стало лидером среди всех предпочтений (см. табл. 11).

Таблица 11 Характеристики РПЦ (в %)

	1996 г.	1999 г.	2002 г.	2005 г.
Необходимая Ненужная	43 4	46 2	39 3	42 2
Прогрессивная Реакционная	-	25 2	23 2	25 1
Бедная Богатая	7 25	9 16	5 18	7 19
Сервильная Независимая	-	15 11	17 8	17 10
Развивающаяся Застойная	33 3	23 6	18 4	22 5
Заботящаяся о своих материальных интересах Заботящаяся о благополучии людей	-	3 18	11 11	11 14
Гибкая Негибкая	22 7	19 2	16 3	17 5
Близкая к человеку Далекая от человека	43 5	43 2		35 3
Политически активная Политически пассивная	15 13	14 9	14 6	14 7
Способствует развитию культуры Мешает развитию культуры	-	33 2	26 3	28 2
Способствует демократии Препятствует демократии	-	17 2	12 3	14 3
Терпимая Нетерпимая	40 7	44 1	37 2	39 1

Хорошее отношение к РПЦ переносится и на ее духовенство, о чем свидетельствует преобладание позитивных эпитетов в предложенном респондентам в 1996 г. перечне характеристик православных священников (см. табл. 12). Здесь, однако, целесообразно отметить, что подчеркнуто позитивное отношение к РПЦ, доверие к ней и ее клиру имеет в действительности априорный характер, поскольку реально в какие-либо контакты с церковью вступает крохотное меньшинство. Например, в 2005 г. часто (скорее часто) обращались к священнику за каким-либо советом только 1 - 3% населения, тогда как 66% не делали этого никогда. Следовательно, речь может идти о некоей сакральной (идеологической) ценности РПЦ, ее символическом значении для россиян. Данный тезис, на наш взгляд, подтверждается сопоставлением данных таблиц 4 и 9. Ценность церкви для жителей России состоит не в том, что она дает исчерпывающие ответы на вопросы морали и семейной жизни, или решает социальные проблемы, или удовлетворяет духовные потребности своей паствы, не говоря уже о содействии развитию культуры и прогресса, а в том, что она представляет собой некий неизменный, "вечный" институт.

Такое восприятие РПЦ в первую очередь обусловлено представлением, что религия как таковая - особая сфера неизменного, где нет места поискам нового, спорам, разногласиям. Из таблицы 13 видно, что идея религиозного поиска отвергается не только большинством верующих, но и большинством неверующих и атеистов (данные 2005 г.).

Иными словами, подрывающий "морально-политическое единство" постсоветского общества плюрализм мнений в духовной сфере неуместен. РПЦ в сознании респондентов должна быть отстранена от повседневности с ее неизбежными спорами, разногласиями-

Таблица 12 Характеристики священников РПЦ и отношение к ним (в %)

Нужен	57
Не нужен	4
Современный	27
Консервативный	7
Корыстный	6
Бескорыстный	35
Националист	
Интернационалист	31
Образованный	59
Невежественный	2
Хитрый	4
Прямодушный	30
Отличается широтой взглядов	37
Отличается узостью взглядов	3
Дружелюбный	45
Недружелюбный	2

Таблица 13 Отношение к поискам нового в религиозной сфере (в %)

	Все опрошенные	Верующие	Коллеблющиеся	Неверующие	Атеисты
Следует опираться на авторитет духовенства традиционных религий					
Согласны и полностью согласны	52	68	46	20	9
Не согласны и полностью не согласны	31	22	33	48	55
Лучше пробовать и испытать разные варианты духовной жизни, предлагаемые разными религиями, для того, чтобы прийти к своему пониманию веры					
Согласны и полностью согласны	13	11	14	17	16
Не согласны и полностью не согласны	65	75	60	45	58

ями, делениями, оставаясь неизменной. Именно этим она может объединять современных русских и их предков, олигарха и нищую старушку, "братка", жертвующего между "разборками" деньги на храм, и генерального прокурора, правительственных чиновников и коммуно-патриотическую оппозицию. И таким образом, РПЦ стала приобретать характер постсоветского сакрального символа русскости, русской духовности и единства, потребность в котором с годами не уменьшается, а увеличивается. Опрос 2005 г. ярко продемонстрировал именно такую идеологическую подоплеку "проправославного консенсуса" (см. табл. 14).

Легко заметить, что понятий "русский" и "православный" настолько сближаются, что становятся почти синонимами. Православный - настоящий русский, а защита православия - обеспечение национальной безопасности. В силу этого в современной России понятие "православный" в полном противоречии с нормальной логикой не является частью более общей категории "верующий". Наоборот, последняя стала одним из компонентов первого. Людей, определяющих себя как "православных", у нас значительно больше тех, кто считает себя "верующим": в 1991, 1993 и 1996 гг. первыми назвали себя 34%, 43% и 36%; вторыми, соответственно, 23%, 32% и 34%. Это означает, что для части респондентов можно быть приверженцами определенного вероучения, не будучи его адептами: в 2005 г. к православным отнесли себя 79%, в том числе - 92% верующих,

Таблица 14 Роль православия как символа русской идентичности (в %)⁶

	Верующие опрошенные	Колеблющиеся	Неверующие	Атеисты
Русский человек, даже если не крещен и в церковь не ходит, все равно православный в душе				
Согласен	44 51	48	27	18
Скорее согласен	40 39	40	43	29
Скорее не согласен	7 5	5	12	10
Не согласен	2 1	1	4	9
Если русский человек обращается в другую, не православную веру, он перестает быть по-настоящему русским				
Согласен	12 15	11	6	8
Скорее согласен	22 26	24	11	16
Скорее не согласен	36 35	37	41	26
Не согласен	14 12	14	17	24
Православные церкви есть и у других народов, но истинную православную веру можно найти только в России				
Согласен	22 28	21	9	9
Скорее согласен	31 33	34	29	12
Скорее не согласен	22 22	23	26	26
Не согласен	6 5	4	13	13
Нерусский человек, даже если он крещен и ходит в церковь, все равно никогда не станет по-настоящему православным				
Согласен	15 18	17	10	10
Скорее согласен	32 32	35	23	23
Скорее не согласен	24 26	26	20	20
Не согласен	8 9	6	9	9
Русские, хотя и живут беднее западных народов, но духовно их богаче и верой сильнее				
Согласен	40 45	37	38	19
Скорее согласен	35 36	41	26	21
Скорее не согласен	9 7	8	10	20
Не согласен	2 2	1	2	10
Западные церкви, проповедующие в России, подрывают истинную веру русского народа и наносят ему вред				
Согласен	20 25	18	11	12
Скорее согласен	33 36	33	26	17
Скорее не согласен	22 21	24	23	26
Не согласен	6 5	8	6	8
Государство должно защищать православную веру русского народа от ее противников				
Согласен	31 40	28	15	13
Скорее согласен	42 44	47	36	18
Скорее не согласен	10 6	12	15	27
Не согласен	3 3	3	5	7

88% колеблющихся, 39% неверующих и 22% атеистов. Как тут не вспомнить формулировку белорусского президента А. Лукашенко: "Я - православный атеист".

Объяснить этот феномен можно лишь в контексте эволюции российского общества и российского сознания в истекшем пятнадцатилетии. События начала 1990-х гг., ознаменовавшие вступление нашей страны на путь демократизации (ропуск КПСС, распад СССР и др.), не были результатом ни социального консенсуса, ни ясного и резкого поли-

---

⁶ Вопросы задавались только русским респондентам.

Таблица 15 Изменения в отношении к рынку, крайние позиции по 10-балльной шкале

	1991 г.	1993 г.	1996 г.	1999 г.
Разницу между доходами людей необходимо уменьшить	4	9	15	17
Разница между доходами должна быть значительна и зависеть от личного вклада	22	10	9	8
Должно быть больше частных предприятий	11	7	6	4
Должно быть больше государственных предприятий	14	10	16	22
Конкуренция - это хорошо. Она стимулирует людей напряженно работать и развивать новые идеи	32	22	20	17
Конкуренция вредна. Она пробуждает в людях самое худшее	3	4	3	4
Люди могут накапливать богатство только за счет других	7	7	10	10
Богатство можно накопить и не за чужой счет	16	10	8	11

тико-идеологического размежевания. Тогдашний российский социум представлял совокупность неорганизованных и атомизированных индивидов, которых пришедшие к власти "демократы" во главе с Ельциным фактически ставили перед свершившимися фактами. И если первое время в обществе присутствовал некоторый всплеск радужных ожиданий, связанных с рынком и демократией, то вскоре наступила эпоха разочарования в "идеалах 1991 г.", которые на деле даже тогда были идеалами незначительного меньшинства.

Для основной части населения страшным шоком, психологические последствия которого ощущаются до сих пор, стал распад СССР. Рыночные реформы оказались очень болезненными, поскольку привели к резкому обнищанию большинства и громадному росту социального расслоения. Удельный вес людей, предельно недовольных жизнью и материальным положением, начал расти: в 1991 г. их было, соответственно, 8% и 12%; в 2002 г. - 16% и 28%. Об ухудшении морального состояния россиян свидетельствует уменьшение числа респондентов, считающих, что "большинству людей можно доверять" - с 35% в 1991 г. до 18% в 1999 г. Таблица 15 иллюстрирует разочарование россиян в принципах и идеалах рыночных реформ.

Устав от не приносящих им улучшения изменений, многие с ностальгией стали вспоминать стабильные советские времена. За возвращение к советским порядкам в 1999 (послекризисном) году было 17%, в 2002 г. - 13%. За то, чтобы взять все хорошее из советского строя и в 1999, и в 2002 г. - 69%, а за как можно быстрое избавление от его наследия - 7% и 8%. С утверждением "вся организация общества должна быть радикально изменена путем революционных преобразований" в 1991 г. соглашались 15%, в 1993 г. - 4%, в 1999 г. - 6%. Правда, идею постепенных реформ поддерживали, соответственно, 43%, 50% и 46%. Однако откровенных противников преобразований, считающих, что "наше общество должно быть защищено от всех разрушительных сил", становилось все больше - 29%, 37% и 38%.

Как было показано выше, доверие россиян ко всем политическим и общественным институтам, особенно к наиболее связанным с демократией и зависимым от народа (парламент, политические партии), падало. Колоссальная степень разочарования во всем также отчетливо видна в снижении числа людей, готовых в случае войны сражаться за Родину: в 1991 г. таких было 68%, в 1994 г. - 56%, не желавших этого делать - 13% и 17%. Усиливается и неверие в возможность рядового человека влиять на политику. В 1991 г. согласных с тем, что, "если закон - несправедлив, они ничего поделать не могут", было 66%, а не согласных - 9%; в 1996 г., соответственно, 79% и 5%. Социальный пессимизм обусловил деполитизацию общества. Так доля людей, оценивающих политику как нечто важное, с 1991 по 2005 г. уменьшилась с 36% до 26%. И напротив, количе-

Таблица 16 Иерархия социально-политических ценностей россиян (в %)⁷

		1991 г.	1993 г.	1996 г.	1999 г.	2002 г.	2005 г.
Достижение высокого уровня экономического развития	Первый выбор	70	70	69	69	75	-
	Второй выбор	16	15	16	16	14	-
Обеспечение надежной обороноспособности	Первый выбор	7	8	11	10	12	-
	Второй выбор	21	25	36	38	39	-
Создание условий, когда люди имеют больше возможностей решать, что должно делаться у них на работе, по месту жительства и т.д.	Первый выбор	15	15	14	16	9	-
	Второй выбор	34	36	28	29	29	
Попытаться сделать наши города и села более красивыми	Первый выбор	4	3	3	2	3	-
	Второй выбор	19	13	11	12	12	-
Сохранение порядка	Первый выбор	57	61	64	59	59	60
	Второй выбор	22	25	22	27	24	20
Предоставление народу возможности больше влиять на важные решения правительства	Первый выбор	24	13	15	14	14	17
	Второй выбор	23	18	22	22	22	22
Борьба с ростом цен	Первый выбор	14	23	18	25	23	19
	Второй выбор	36	47	43	44	42	47
Защита свободы слова	Первый выбор	2	1	2	1	2	2
	Второй выбор	11	6	8	5	7	8
Стабильная экономика	Первый выбор	64	65	67	71	71	72
	Второй выбор	19	20	19	19	18	17
Движение к более гуманному обществу	Первый выбор	9	8	6	5	6	6
	Второй выбор	21	15	16	12	13	16
Движение к обществу, в котором идею ценятся больше денег	Первый выбор	5	3	4	3	4	4
	Второй выбор	11	8	9	8	11	13
Борьба с преступностью	Первый выбор	19	22	21	19	18	17
	Второй выбор	42	50	51	58	54	53

ство не желающих принимать участие даже в самых конституционных политических действиях (подписание петиций, демонстрации), возросло с 22%-23% до 44%-45%.

Разочарование в политике неразрывно связано с разочарованием в идее демократии. В принципе, и в 1991 г. она не занимала значительного места в системе ценностей граждан России, но поскольку трансформация в обществе осуществлялась под демократическими лозунгами, все ее издержки, свалившиеся на людей, стали ассоциироваться в их сознании с демократией. В глазах большинства она все более отождествляется с хаосом, обнищанием, кричащим разрывом в доходах, упадком внешнего могущества страны. Доля согласных с тем, что людям надо предоставить больше свободы, с 1991 по 1996 г. упала с 58% до 46%. При выборе между свободой и равенством в 1991 г. симпатии распределились так: 40% к 42%; в 2002 г. это соотношение выглядело как 29% к 39%. В целом об иерархии социальных ценностей и ее изменении в массовом сознании можно судить по таблице 16.

Картина получилась поразительной и яркой. Главные ценности населения - материальное благополучие и порядок, значение которых растет. Одновременно с этим такие категории, как возможность народа влиять на решения правительства, на положение

⁷ Респондентам предлагались три тетрады утверждений о главных задачах государства, из которых они должны были выбрать первую и вторую по степени важности.

дел на предприятии или по месту жительства, теряют привлекательность (про ценность свободы слова и говорить нечего). Люди желают стабильности, порядка и экономического роста, но при этом не хотят сами влиять на власть и положение дел в стране. Порядок и все остальное должны быть привнесены "сверху".

Конец революционной эйфории, через который прошли все посткоммунистические страны, в разных ситуациях может иметь разные последствия. В частности, в государствах Центральной и Восточной Европы имела место утрата власти радикалами, возглавлявшими там правительства в революционное время, приход к ней умеренных, связанных со старой элитой политиков, который окончательно закрепил правовую демократическую систему ротации власти. В России же все произошло по-иному: разочарование в результатах революции рубежа 1990-х гг. стало разочарованием в демократии как таковой. Общество боится возвращения хаоса 1991 г. и не хочет новых потрясений; оно убеждено, что любой твердый порядок лучше, чем безвластие и борьба за эту власть⁸. Поэтому несмотря на недовольство политикой существовавшего тогда режима, в решающие моменты (на конституционном референдуме 1993 г., на президентских выборах 1996 г.) люди голосовали за нее.

Чем больше власть укрепляется, чем больше она становится безальтернативной и независимой от общества, чем дальше она отходит от демократической идеологии 1991 г., чем больше сквозь ее демократические контуры проглядывает старый облик российского авторитаризма, тем легче примиряется с ней общество. Когда самые трудные в экономическом отношении времена остались позади, Ельцин ушел в отставку, передав пост избранному им преемнику, не связанному с демократической риторикой 1991 г. и падением СССР. Путин, приступивший к выстраиванию жесткой "вертикали власти", быстро достиг колоссальной популярности и доверия, несопоставимого с доверием к каким-либо политическим институтам и превышающего даже доверие к РПЦ. Президент стал объединяющим подавляющее большинство общества символом конца "смутного времени" и возвращения к порядку, который в российском сознании практически синонимичен независимости власти от общества, авторитаризму.

Российское общество при Путине обретает новую стабильность в традиционных для него, привычных формах. И ряд наших данных говорит об улучшении морального состояния общества, о возвращении людям некоторой уверенности в своем государстве и даже чувства гордости им. Возвращаясь к таблице 7, легко заметить, что в последние годы увеличивается доверие к тем государственным институтам, которые в той или иной мере связаны с президентской властью и независимы от общества. Однако это несколько оздоровило моральный климат социума, что отразилось в доле тех, кто стал гордиться своей страной: в 1999 г. она составляла 67%, в 2005 г. - 74%.

Таким образом, постсоветская эволюция общественных институтов и массового сознания России шла в антидемократическом направлении. Практически все подвижки, воспринимаемые как позитивные, были достигнуты за счет отказа от ряда не заработавших в полную мощность и не ставших массовыми и прочными демократических институтов и ценностей. И опрос 2005 г. выявил громадное распространение антидемократических и антизападных установок (см. табл. 17).

Особенности российского политического процесса - отсутствие консенсуса по поводу основных решений власти в революционный период 1991 г., навязывание властью своих решений не способному сопротивляться обществу - отражались и на особенностях российской оппозиции. Эта коммунопатриотическая оппозиция не могла увлечь своими лозунгами "Банду Ельцина - под суд!", "Долой оккупационный режим!" и т.д. Ее сила и слабость заключалась в отвержении самыми широкими слоями общества идеалов революции 1991 г., то есть в "контрреволюционности". Но приход такой радикально "контрреволюционной" оппозиции к власти имел бы совсем иные следствия, чем приход к власти центрально-европейских "умеренных", разделявших базовые ценности с революционными силами, которые свергали коммунистические режимы. Победа российских оппозиционеров стала бы новым социальным потрясением, новой "революцией". Поэтому, во многом сочувствуя лозунгам коммунопатриотов, большинство одновременно боялось и боится их прихода к власти.

Таблица 17 Отношение к демократии (в %)

	Полностью согласны	Скорее согласны	Скорее не согласны	Полностью не согласны
Беспорядок и беззаконие в России - следствие демократии	20	29	28	9
Люди смогут навести порядок в стране, если им дать больше свободы	6	20	43	17
От выборов и споров между партиями больше вреда, чем пользы	33	43	13	3
Правительства западных стран стремятся к ослаблению и развалу России	30	36	17	3
Чем больше мы будем сближаться и сотрудничать с западными странами, тем лучше будем жить	7	30	33	12
От попыток устроить жизнь в России по западному образцу - один вред	18	34	28	5
Россия - по сути европейская страна и в будущем станет частью западного мира	8	27	29	9

Вполне закономерно, что подобная тяга к сильной, не зависящей от общества, безальтернативной власти предполагает стремление к идейно-символической системе, освящающей эту власть и воплощающей ее единство с обществом. А так как никакой приемлемой для всех "светской" доктрины после падения коммунизма не было и нет (любые экономические и политические вопросы вызывают разногласия, решение их всегда спорно, а результаты - неопределенны), востребованным оказалось православие. Церковь неизменна, в ней нет места спорам и разногласиям, поэтому она может консолидировать всех. И чем дальше общество переходит от неопределенных стремлений к переменам, от разномыслия и анархии 1991 г. к новой стабильности и единству, от Демократической России к Единой России, тем сильнее его намерения утвердить новое морально-политическое единство, придав религии характер обязательности и всеобщности. Проправославный консенсус - это образ "нормальной", желаемой большинством России; образ, близкий к несколько "смягченному" варианту советской системы (отчасти даже к самодержавию) - с президентом в роли Генерального секретаря, Единой Россией в роли КПСС и православием в роли того тщательно охраняемого символа "морально-политического единства", которым в эпоху СССР был марксизм-ленинизм.

(Окончание следует)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Демьянов А. И. Религиозность: тенденции и особенности. Воронеж, 1984.
- Каарийнен К., Фурман Д. Верующие, атеисты и прочие (эволюция российской религиозности) // Вопросы философии. 1997. N 6.
- Старые церкви, новые верующие (религия в массовом сознании постсоветской России). М, 2000.
- Фурман Д., Каарийнен К. Религиозная стабилизация в России // Свободная мысль - XXI. 2003^а. N 7.
- Фурман Д., Каарийнен К. "Я доверяю президенту" // Свободная мысль - XXI. 2003^б. N 5.
- Каарийнен К. Religion in Russia after the Collapse of Communism. The Edwin Mellen Press. USA. 1998.
- Project Understanding. A Survey of the Residents of Moscow. Tabular Report. Boston, 1988.